

(1867 – 1934) называе ў якасці вызначальнага кампанента і прыметы-характарыстыкі этнічнай супольнасці беларусаў самабытную духоўную культуру, асновай якой з’яўляецца вусная народная творчасць.

Заклучэнне. Сучаснаму ідэалу маральна і фізічна здаровай асобы ўласцівыя працавітасць, патрыятызм, гуманізм, чэснасць і праўдзівасць, павага да людзей, сумленнасць, дабрыня, гонар і ўласная годнасць, фізічная моц і вытрымка, упэўненасць, пачуццё справядлівасці; гэта асоба, якая рэдка або зусім не хварэе, вядзе здаровы лад жыцця, бездакорна выконвае свае сацыяльныя ролі, адэкватна рэагуе на знешнія раздражняльнікі і г.д. Як бачым, асноўныя рысы дадзенага ідэалу былі закладзены шэраг стагоддзяў таму і адзначаны ў вядомых творах нашымі славытымі землякамі – педагогамі, асветнікамі, філосафамі. Гэта своеасаблівы кодэкс беларускага народа – сукупнасць патрабаванняў да чалавека, правілаў і норм паводзін, які занатаваны ў розных відах вуснай народнай творчасці.

МОСКОВСКОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО ОФИЦЕРОВ ОТДЕЛЬНОГО ЛИТОВСКОГО КОРПУСА

*Ф.А. Некрашевич
Минск, БГУ*

Отдельный Литовский корпус – крупное воинское подразделение в составе российской армии (1817–1831). Корпус состоял из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий. Данное воинское формирование было создано в 1817 г. и комплектовалось рекрутами из западных губерний (Виленская, Волынская, Минская, Подольская, Гродненская губернии и Белостокская область). Среди офицеров корпуса существовало несколько тайных обществ (например, «Общество Военных друзей» и «Общество друзей»), активно борющихся с российским правительством.

Материал и методы. Основу исследования составили материалы Государственного Архива Российской Федерации [1], а также опубликованные источники по данной проблеме [3, 7]. Была изучена российская [2, 4] и польская [5, 6] историография вопроса. Во время проведения исследования применялись общенаучные, а также специальные исторические методы.

Результаты и их обсуждение. После начала восстания в 1830 г. российское правительство не без оснований опасалось, что военнослужащие Отдельного Литовского корпуса могут перейти на сторону противника. Поэтому в январе – феврале 1831 г. произошли существенные перемены в офицерском составе корпуса. Около 400 офицеров, которых российское командование подозревало в симпатиях к восставшим, были переведены из Отдельного Литовского корпуса в другие подразделения российской армии. Все они находились вне пределов действующей армии. Перевод осуществлялся в IV пехотный корпус, штаб-квартира которого располагалась в Москве, а также в Отдельный Кавказский корпус [5. с. 382]. Благодаря таким действиям российское командование надеялось повысить боеспособность корпуса, а также предотвратить переход офицеров на сторону восставших.

Несмотря на предусмотрительную деятельность некоторые из бывших офицеров Отдельного Литовского корпуса продолжали вынашивать планы присоединения к восстанию. В Москве было создано общество офицеров, объединенных идеей побега и присоединения к восставшим на территории западных губерний. В общество входили корнет Нарвского гусарского полка Т. Керсновский, его брат, подпоручик Пермского пехотного полка С. Керсновский, поручик Казанского пехотного полка М. Морашевский, а также корнет Ингерманландского гусарского полка П. Цеплинский. Братья Керсновские являлись уроженцами Новогрудского пов. Минской губ., П. Цеплинский – Гродненской губ., М. Морашевский – Могилевской губ. [6. с. 107, 265–266, 399–400]. Также с офицерами были тесно связаны студент Московского университета К. Шенявский, подпоручик Троицкого пехотного полка Седлицкий и О. Петрашкевич, бывший член общества филоматов. Последний был сослан в Москву, где работал помощником университетского биб-

лиотекаря. Тем не менее, О. Петрашкевич впоследствии отрицал свою причастность к деятельности данного тайного общества [7. с. 452].

Несмотря на то, что в исследованиях по данной проблеме обычно указывается, что вышеназванные офицеры были «поляками», то есть считали Польшу своей Родиной, материалы следственного дела дают косвенные основания полагать, что военнослужащие были проникнуты идеей «литвинского патриотизма». Так, у К. Шенявского были найдены сочинения филаретов и филоматов. Согласно показаниям офицера Седлицкого, они, «литовские офицеры», «любили разговаривать о подвигах единоплеменников» [1. л. 143]. Таким образом, всех членов общества объединяла любовь к истории и культуре Великого Княжества Литовского, которое они считали своей Родиной.

При подготовке к побегу, офицеры сразу же столкнулись с определенными трудностями. Главная из них заключалась в недостатке финансовых средств. К. Шенявский предложил собрать деньги на побег среди живущих в Москве уроженцев Королевства Польского и западных губерний. При этом особые надежды офицеры возлагали на графиню Бобринскую (урожденную Белинскую), которая помогала бывшим военнослужащим Отдельного Литовского корпуса в Москве [4. с. 23]. Офицерам требовались поддельные документы, чтобы беспрепятственно добраться до территории боевых действий. Для этого из канцелярии московского генерал-губернатора были похищены подорожные бланки. Кроме того, при обыске у С. Керсновского были найдены восемь пистолетов, два карабина, две сабли, а также боеприпасы [1. л. 6, 10, 36].

Офицерам так и не удалось совершить побег. Они были арестованы и предстали перед военным судом. Неоценимую помощь московской полиции оказал Н.П. Сунгуров. Он являлся лидером тайного общества, состоявшего в основном из студентов Московского университета. Цели общества были схожими с идеями декабристов. Н.П. Сунгуров планировал организовать государственный переворот с помощью войск, расквартированных в Москве, и провести в стране радикальные реформы. В этих планах огромная роль отводилась бывшим офицерам Отдельного Литовского корпуса. Н.П. Сунгуров несколько раз предлагал им присоединиться к его плану вооруженного восстания. Однако братьев Керсновских и их сподвижников не привлекла призрачная идея вооруженного восстания в Москве. Убедившись, что офицеры не желают ему помогать, Н.П. Сунгуров, мотивируя желанием остановить их, донес о планах группы обер-полицмейстеру Муханову. Таким образом, один противник царского режима уничтожил нескольких других своих единомышленников [2. с. 235].

Российские власти явно старались преувеличить масштабы деятельности тайного общества. Так, глава III Отделения А.Х. Бенкендорф писал, что офицеры «распространяли ненависть свою к нашему правительству» [3. с. 82]. Хотя следствию удалось лишь установить, что военнослужащие готовили побег из своих воинских частей. Офицеры Отдельного Литовского корпуса были приговорены к ссылке в Тобольскую губернию. Вернутся на родину, как они это планировали в 1831 г., они смогли лишь в 1856 г. согласно коронационному манифесту [4. с. 63].

Заключение. Таким образом, в период восстания 1830 – 1831 гг. уроженцы Беларуси боролись с царским правительством не только в западных регионах империи. Деятельность бывших офицеров Отдельного Литовского корпуса потерпела провал из-за недостаточной конспиративности. Излишнее доверие к российским революционерам привело к аресту всех участников тайного общества.

Список литературы

1. ГАРФ. – Ф. 109. – 1831 г. – I экспедиция. – Оп. 6. – №353. О намерении к побегу в Литву офицеров: Морачевского, Керсновского, и других и о тайном злонамеренном обществе в Москве: Сунгурова, Гурова, Костенецкого и других. – 690 л.
2. Насонкина, Л.И. Московский университет после восстания декабристов. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1972. – 343 с.
3. Сидорова, М.В. Россия под надзором: отчеты III отделения 1827 – 1869 / М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. – М.: «Рос. Фонд культуры»: «Российский архив», 2006. – 706 с.
4. Эйхенбаум, Б.М. Тайное общество Сунгурова / Б.М. Эйхенбаум // Заветы. – 1913. – №5. – с. 13 – 63.

5. Bożena, A. Kółko Sungurowa i polski aspekt jego działalności / A. Bożena // Slavia Orientalis. – 1961. – rz. 10. – №3. – s. 377 – 394.
6. Sliwowska, W. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: Słownik biograficzny / Inst. hist. PAN. – Warszawa: DiG, 1998. – 835 s.
7. Sudolski, Z. Corespondencja filomatów. – Wrocław – Warszawa – Kraków: zakład narodowy imienia Ossolińskich. – 538 s.

ДЕТИ ВИТЕБЩИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*И.В. Николаева
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Утвердившийся в современных исследованиях подход к освещению истории Великой Отечественной войны через призму человеческого фактора определил необходимость и актуальность осмысления минувших событий с позиции опыта различных социально-демографических групп и создал дополнительные возможности интерпретации истории белорусского общества послеоккупационного военного времени. Кризисная ситуация перехода от войны к миру для большинства советских граждан оказалась не менее сложной, к послевоенной действительности и тяжелым материальным условиям новой повседневности пришлось приспосабливаться и фактически выживать всем социальным слоям населения. Особая проблема общества, вышедшего из войны, – дети, наименее социально защищенная часть населения. Цель данного исследования – охарактеризовать некоторые аспекты существования детей в условиях чрезвычайного военного времени после освобождения территории Витебской области от оккупации.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе документов комитетов КП(б)Б, содержащихся в Государственном архиве Витебской области. Информационная и отчетная документация, представленная в изученных фондах освещает различные аспекты социально-экономической и общественно-политической региональной послеоккупационной ситуации, позволяет представить особенности развития военных процессов в белорусском обществе в целом и проследить влияние военного фактора на положение детей Витебщины после освобождения территории и до окончания Великой Отечественной войны.

Результаты и их обсуждение. Согласно статистическим данным, представленным районами после освобождения на 1 августа 1944 г., дети до 14 лет (191 333 человека) составляли около 42 % сельского населения области, почти 10% (4 196) жителей городов приходилось на мальчиков и девочек до 12 лет [1, л. 54]. Они, пережившие за годы трехлетней нацистской оккупации голод и болезни, потерю близких, вместе со взрослыми разделили тяжелые материальные условия послеоккупационной военной действительности, выживая в экстремальных ситуациях недоедания, жилищной неустроенности, борьбы с болезнями.

Архивные документы свидетельствуют, что положение населения, пережившего оккупацию, было крайне тяжелым, многие остались без крова и средств существования. Жители сожженных и разрушенных деревень ютились в шалашах и землянках [2, л. 84]. По городу Витебску сохранившиеся дома коммунального хозяйства, заводского и частного сектора составляли 12, 8% к довоенному времени. Значительная часть горожан проживала в бункерах [3, л. 27]. Докладные записки и сообщения по ситуации в районах констатируют, что большинство населения нуждается в одежде и обуви, «ходит в лохмотьях, этими же лохмотьями прикрывается» [4, л. 99; 5, л. 6]. В поисках хлеба началось массовое перемещение в Латвию, Литву, западные районы БССР жителей восточных районов, в том числе детей, которые нанимались пасти скот в единоличные хозяйства [4, л. 53]. Практически во всех районах сложилась критическая медико-эпидемиологическая ситуация, материалы архива свидетельствуют о значительной пораженности населения инфекционными заболеваниями (сыпной тиф, чесотка, дизентерия и т.д.), в том числе имевших смертельный исход для детей [4, л. 40; 6, л. 37].